

РЕЦЕНЗИИ, СООБЩЕНИЯ, ИНФОРМАЦИЯ

В.И. МЕТЛОВ

К 400-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ФИЛОСОФА

16 – 17 апреля 1996 года Научно-методический Совет по философии при Госкомвузе Российской Федерации организовал в Твери расширенное заседание, посвященное 400-летию со дня рождения Р. Декарта. Предложенная Советом программа объединялась общим названием «Декарт в канун XXI столетия» и предлагала для обсуждения следующие вопросы:

Декарт в современном философском контексте;

Судьба *cogito* Декарта;

Декарт, Бэкон, Паскаль;

Декарт, Кант, Гуссерль;

Декарт и логика;

Декарт и основания математики;

Декарт и традиция рационализма;

Декарт в России;

Декарт и образование.

Предложенная программа привлекла достаточное количество философов, активно интересующихся творчеством Декарта в целом и различными его аспектами. Институт философии РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГПУ им. В.И. Ленина дали наибольшее количество докладчиков, однако это совсем не означает, что относительно меньшее количество участников из других городов играло малую роль в работе конференции. Помимо участников из Москвы заседание Совета привлекло внимание философов из Оренбурга, Уфы, Пскова, Твери. Очень большой интерес вызвало участие соотечественников Декарта: проф. Ж.-П Лартома (J.-P. Larthomas), докторов Ж.-Л. Готеро (J. L. Gautero) и Ж. Лайенбер- же (J. Leyenberger).

Следует отметить, что предложенная Советом программа оказалась достаточно педантично выполненной: практически по всем основным проблемам были сделаны интересные сообщения, как правило вызвавшие вопросы и породившие последующие обсуждения.

Во-первых, следует подчеркнуть, что все без исключения участники заседания Совета, владея необходимым для обсуждения историко-философским материалом, ставили проблемы и решали их, имея в виду современное состояние научной и социальной реальности, лишней раз подчеркивая тем самым актуальность воззрений французского мыслителя. Вместе с тем нужно отметить, что в работе конференции, а точнее, заседания Совета отсутствовал часто свойственный такого рода мероприятиям юбилейный пафос, очень нередко связанный с искажением реального положения вещей. Открывая заседание, Председатель Совета, заведующая кафедрой философии МПГУ им. В.И. Ленина проф. *Л.А. Микешина*, сказала следующее:

– Сегодня существует необходимость преодоления чрезмерной абстракции категорий субъекта, ситуации, при которой философия и реальный живой процесс человеческого познания полностью заменены абстракциями, результаты оперирования с которыми часто экстраполируются на реальный процесс познавательной деятельности. Является ли это единственно возможным способом профессионального философского размышления о познании или к истине конкретного субъекта можно найти другие пути? Как от спасительно привычного абстрактного схематизма и теоретизма перейти к реальному познанию – изменчивому и историчному, пребывающему в традиции, в пристрастиях и интересах, принять его в целостности, оставаясь при этом на уровне языка и мышления философа? Поиск ответа на эти вопросы привел меня к мысли посмотреть, как Декарт — основатель рационализма — от реального субъекта перешел к эмпирическому, а затем к *cogito*. Какие способы абстрагирования он использовал и почему, не применяя понятие «субъект» в современном смысле, тем не менее содержательно сформулировал эту категорию, как и в целом субъектно-объектный подход в познании.

Не будем воспроизводить хронологически точно представленные на заседаниях Совета доклады. В сущности же, практически во всех докладах выяснялся вопрос о том, что в воззрениях французского мыслителя продолжает жить в настоящее время. Это относилось, разумеется, не только к естественнонаучным воззрениям Декарта, но и к воззрениям собственно философским, метафизическим, гносеологическим. В частности, не последнее место заняло обсуждение *cogito*, которое, как известно, Ж.-П. Сартр уже в наши дни называл

самым надежным предложением, когда-либо сформулированным в философии.

Различные аспекты проблемы совко оказались предметом анализа в докладах Н.С.Рыбакова (Псков), А.В. Лукьянова (Оренбург), В.И. Метлова, С.П. Цесарской.

Доклад проф. *Н. С. Рыбакова* был посвящен анализу логического содержания cogito, будучи вызванным к жизни, как подчеркивал докладчик, прагматической задачей анализа умозаключений на практических занятиях по формальной логике с различными категориями слушателей. Квалифицируя предложение «я мыслю, следовательно, существую» как энтимему, Н.С. Рыбаков восстанавливает ее до полного силлогизма, в одном случае условно-категорического, в другом – до простого категорического. Оценивая выразительные возможности каждой из приведенных форм умозаключения, докладчик приходит к выводу о том, что корректность принципа cogito возможна единственно при условии равнозначности субъекта и предиката. Это, по его мнению, тривиализует декартовский принцип, делая его следствием из более общей посылки; помимо этого здесь оказывается поставленной под сомнение сама необходимость существования мыслящего «Я». Тем не менее, Н.С. Рыбаков полагает, что необходимость «Я» может быть обоснована, а вместе с этим обоснованы и идентичность его мышления и существования. Правда, обоснование это в сильной степени напоминает фихтевский демарш, и от непосредственного постижения существования, дорогого сердцу французского мыслителя, здесь остается немного.

Доклад проф. *А.В. Лукьянова* представлял как раз сопоставление позиций Декарта и Фихте в вопросе о существовании. Докладчик выяснял отношение декартовского принципа к трансцендентальному и абсолютному идеализму. По его мнению, декартовская идея cogito имеет довольно странную, но все-таки счастливую судьбу: достигнув предельности своего выражения в идеалистических учениях последующих веков, эта идея отторгла от себя целый пласт бытия, как бы остающегося за фасадом современного мышления. Пласт этот связан с осознанием мыслительного акта как дела сугубо интимного, личного, связанного самым непосредственным образом с существованием индивидуальности. Такая мировоззренческая позиция, по мнению докладчика, могла быть возможной единственно в случае отождествления «Я» с сознанием, но не с духом, в котором неизбежно

присутствует и бессознательное. «Я» и *cogito* сосуществуют у Декарта, причем в этом сосуществовании «Я» еще не рефлектирует, а мышление не представляет собой нечто, сдерживающее духовную деятельность, как это можно увидеть в «Наукоучении» Фихте. Таким образом, если Декарт приучал нас к мысли, что в нашей власти находятся лишь наши мнения, то Фихте претендовал на руководство духом эпохи, упоая при этом не на сознание, но на бессознательную творческую деятельность, порождающую всю реальность, представляя позицию, чрезвычайно импонирующую романтикам.

В докладе проф. *В.И. Метлова* французский мыслитель рассматривается в контексте последующего развития и критики его идей в работах И. Канта и Э. Гуссерля. Докладчик подчеркнул, во-первых, что проблемы *cogito* — это прежде всего проблемы обоснования знания, и именно это обстоятельство способно оправдать сопоставление названных в заглавии доклада имен. Проблема же обоснования фактически редуцируется к проблеме соотношения непосредственного и опосредованного знания, и в этом смысле Декартом в определенной мере продолжается традиция, родившаяся в античности (Парменид), а в Новое время представленная, помимо Декарта, Д. Юмом, хотя и совершенно отличным от Декарта образом. Дуализм французского мыслителя, по мнению докладчика, представляет собой признание неудовлетворительности обосновательного потенциала, заложенного в *cogito*, а потому в определенной форме он может быть рассмотрен как одна из форм существования антиномии эмпирического и теоретического, субъектного и объектного, материалистического и идеалистического. Две возможные линии развития обосновательной программы Декарта — с одной стороны, по линии разрешения коллизии, представленной антиномией, а с другой, по линии отбрасывания отношений типа «субъект — объект», «бытие — знание» в направлении поиска непосредственного знания. Последняя тенденция является наиболее характерной для основных философских достижений XX столетия, в частности, для феноменологии Э. Гуссерля. Эта позиция нашла свое выражение и в обосновательных движениях в специально-научном и математическом познании, в частности и в первую очередь, в творчестве Д. Гильберта и Л. Брауэра, представивших программы-антиподы оснований математики. Ее можно обнаружить и в творчестве хронологически более близких к нам авторов, таких как О.

Беккер и Ж.-Т. Десанти. Интересные частные результаты, которые могут быть получены на этом пути, не должны, по мнению докладчика, помешать нам увидеть в целом бесперспективность описываемого подхода. В этой связи фундаментальный интерес представляет критика декартовского совко, предпринятая Кантом, согласно которому сам внутренний опыт возможен единственно опосредованным путем и только при помощи внешнего опыта. По существу, полагает В.И. Метлов, это то движение обосновательной проблематики, которое после Канта было продолжено Фихте и Гегелем и которое характеризуется становлением нового облика научного знания вообще. Это путь, ведущий к историческому видению научной и предметной реальности, к диалектике, способной преодолеть тревожащее сознание некоторых современных исследователей антитезы. Это тот тип подхода, который существенно связан с интересом к социальной размерности познавательной деятельности, внимание к которой позволяет представить аутентичным образом развитие познавательного как имеющего в качестве собственного аспекта предметное и понять предметное как существенно включающее в свою характеристику эпистемологический момент. Это понимание связано с осознанием невозможности одноуровневой логики обоснования, с переходом к такому пониманию единства бытия и знания, в котором достаточно отчетливо структурируются в динамическом взаимодействии названные моменты.

В докладе доц. *С.П. Цесарской*, также посвященном проблеме cogito, предлагается опыт экзистенциального прочтения декартовского принципа, прочтения, инспирированного «Картезианскими размышлениями» М. Мамардашвили. Эта позиция сопоставляется с позицией, представленной П. Рикером в докладе «Кризис cogito», прочитанном 2 апреля 1996 года в Институте философии в Москве на юбилейной международной конференции, посвященной 400-летию со дня рождения Р. Декарта. Кризис cogito, согласно П. Рикёру, в изложении С.П. Цесарской, обусловлен неправомерностью метафизических размышлений, не учитывающих его жизненных, социокультурных оснований, то есть, добавляет от себя докладчик, отсутствием рассмотрения всех связей и опосредований отношения «экзистенция — трансценденция». В таком широком контексте, предложенном Рикером, позиция Мамардашвили, как полагает С.П. Цесарская, представляется еще более узкой, чем представленная самим

Декартом, поскольку тяготеет к очищению и превращению «*cogito*» в отношении «эмпирия — Бог». Прав ли Рикёр, и если прав, то чем объяснить живучесть *cogito*, пафос Мамардашвили и его сторонников? Живучесть этой кризисной парадигмы, полагает докладчик, можно объяснить лишь кризисом ее социокультурных оснований, кризисом самой действительности, т. е. экономических и социально-политических отношений, науки, искусства, нравственности.

Проф. *М. С. Козлова* в докладе «Дуализм Декарта: компромисс или принципиальная позиция?» представила опыт авторского осмысления философских оснований дуализма Декарта. В отличие от уяснения его как философского решения, привязанного к конкретной эпохе, заданным горизонтам мысли и духовной ситуации, ситуации времени, в которое жил Декарт, автор характеризует его концепцию как тщательно продуманную принципиальную позицию. В докладе обосновывается мысль, что только дуализм Декарта и позволил ему выйти в особую сферу чисто теоретического мышления с его особыми законами и открыть путь в этом направлении для Канта и Гуссерля. Прослеживается также путь от Декарта к экзистенциализму Сартра и других, у кого предметом анализа стало особое поле человеческой субъективности, неразрывно связанное с проблемой свободы, авторства, ответственности.

докладе проф. *Г.Я.Стрельцовой* «Разум и сердце в философии Декарта и Паскаля» обращено внимание как на влияние «философии разума» Декарта на Паскаля, так и на оппозицию Паскаля картезианской философии. В «век разума», когда рационализм господствовал не только в философии, но и в религии, в литературе, культуре в целом, Паскаль разрабатывает уникальную «философию сердца», Подвергая критике традиционную рационалистическую метафизику вообще, а также механицизм, сциентизм и деизм в мировоззрении Декарта. Согласно автору доклада Паскаль существенно дополняет картину новоевропейской философии, обогащая ее экзистенциальными мотивами.

Значительный интерес вызвал доклад доктора *Ж. Лайенберже* (Страсбур), посвященный проблеме вымысла и истины у Декарта. Мысль Декарта, по словам докладчика, занята стремлением прочно обосновать истину и в этом стремлении она предполагает две размерности: одна — это стремление порвать с прежними истинами,

другая — образование вымысла (fiction) с целью установления новой истины. Разрыв — одна из отличительных черт философии Декарта, имя которого символизирует, быть может, наиболее значительный разрыв — в истории философии. Для Декарта представляется важным порвать с умозрительной философией и создать новую, практическую. Но разрыв осуществляется и по отношению к преподаваемой истине, по отношению к книге, латыни. Разрыв наиболее радикальным образом выражается в метафоре, заимствованной Декартом из архитектуры: надо разрушить старые здания знаний и заложить новые на «скале», чтобы воздвигнуть устойчивые здания. Метафора эта показывает одновременно необходимость разрыва и вымысла. В мысли Декарта есть, по мнению Лайенберже, рискованный момент, находящийся в пространстве после разрыва с прежними истинами и до установления новой истины. Это Ego, и именно в его пространстве появляется вымысел. Он не противопоставляется новой истине, но, напротив, истина нуждается в нем. Докладчик показал необходимость вымысла у Декарта, выделив четыре пункта, иллюстрирующих эту необходимость. Чтобы установить новую истину, Декарт изобретает способ, сводящийся к акцентированию вымысла до того момента, пока из него не появится истина. Истина проистекает от перехода к границе, она не противостоит вымыслу, но и не наблюдается на границе ловушки: я не могу притворяться, что я притворяюсь, когда я притворяюсь, я существую. До сомнения, которое тоже является разновидностью вымысла, первая форма истины могла бы быть сообщена именно таким образом, хотя Декарт и не говорит этого явно: я притворяюсь, следовательно, я существую. Названные два изменения представляют собой вершину декартовского метода. Урок вымысла, выдумки и сегодня представляет для нас ценность: нет поиска истины без выдумки; прежде чем стать обоснованной, истина предваряется риском изобретения, нововведения. Массовая тенденция к объективации, как полагает докладчик, делает необходимым напоминание о том, что картезианский ум является также изобретением, выдумкой субъекта, его притворством (feinte).

В докладах проф. *В.Я. Перминова* и доктора *Ж.-Л. Гомепо* (Ницца) обосновательные интенции Декарта рассмотрены прежде всего на материале математики. Оба автора, по существу, сходятся на том, что говорить сегодня о математических идеях Декарта нет ни малейшей возможности, поскольку они сегодня представляют лишь исторический

интерес. В.Я. Перминов распространяет это утверждение и на все естественнонаучные идеи Декарта. Однако, что касается общефилософских идей Декарта, то некоторые из них, по мнению В.Я. Перминова, остаются актуальными и по настоящее время. Одной из таких идей Декарта является его тезис об очевидности как источнике и последнем основании всякого знания. По мнению доктора Готеро, в области математики и ее оснований по-прежнему сохраняет свое значение декартовская идея применения алгебры к геометрии, позволяющая расширить область последней, делающая возможной нумеризацию мира, играющую столь существенную роль в развитии современной науки.

Что же касается оснований математики, то здесь, полагает проф. Перминов, декартовские идеи оказываются живущими и в обосновательной программе знания в целом у Гуссерля и, что особенно важно, для оснований математики в ряде современных обосновательных программ. Во всяком случае, важным, интересным и неизменно дискуссионным является вопрос о соотношении опосредованного и непосредственного в основаниях науки вообще и математического знания в частности. Свою задачу проф. Перминов видел в том, чтобы показать несостоятельность широко распространенного представления об очевидности, согласно которому всякая очевидность (интуиция) является ограниченной, уязвимой для логической критики. Можно определенно утверждать, что самоочевидность, связанная с категориальным видением мира, с исходными представлениями математики, имеет принципиально иной характер и что она может выполнить роль абсолютного основания для философского и математического мышления. Это значит, что идея обосновательной интуиции, выдвинутая Декартом, — отнюдь не заблуждение, но глубокое методологическое прозрение, к которому мы только начали приближаться в плане его теоретического освоения. Ошибка Декарта состояла лишь в том, что в духе своего времени он старался поставить на абсолютный фундамент интуиции все существующее знание.

В плане, приближающем обсуждение философии Декарта и его специально-научных воззрений к социологическому анализу, были сделаны доклады А.Ф. Кудряшова (Уфа), В.Э. Войцеховича (Тверь) и Е.Г. Мермельштейна.

Оценивая декартову систему бытия, *А. Ф. Кудряшов* связывает ее с образом мышления современников Декарта во Франции. Вместе с тем докладчик видит близость декартовского философствования и к образу мышления немцев, высказывая при этом нетривиальную мысль о Декарте как о философе тождества, из которого вышла трансцендентальная философия Германии. Онтология Декарта насквозь гносеологична, и не могла быть иной при принятых им философских предпосылках.

В.Э. Войцехович рассматривает в своем докладе Декарта как идеолога индустриально-технологической цивилизации. Три достижения, за которые мы прежде всего ценим Декарта — совко, рационализм и аналитическая геометрия — в своем единстве стали базисной идеологией, философией европейской цивилизации XVII — XX вв. — буржуазной, машинной, индустриально-технологической цивилизации, ныне завершающей свое развитие и переходящей в иное — информационное, духовно ориентированное общество, фундамент которого уже заложен. Декарт первым почувствовал и выразил дух новой, индустриальной цивилизации: познавать свойства вещей, преобразовывать их по определенному алгоритму, цель которого — удовлетворение потребностей людей. За алгебраизацией математики, рационализацией мышления, введенными Декартом, по утверждению докладчика, стоит социальный фактор — готовность Запада к глобальной технизации общества, точнее, к алгоритмизации всей жизни. Основанием же этого является изменение характера цивилизации, ее движение от созерцательного к деятельному, от непрерывного мышления к дискретному, от познания бесконечного к исследованию конечного и от духа — к материи. Индустриально-технологическая цивилизация поняла декартово $\text{co}\S\text{I}\text{Co}$ как $\text{cal}\text{c}\text{u}\text{l}\text{a}\text{l}\text{e}\ \text{e}\text{r}\S\text{o}$ кит (вычисляю, следовательно, существую). Сегодня, через 400 лет после рождения великого француза, мы поняли тупиковость этого пути и выходим к более высокой, духовно ориентированной цивилизации. Декарт-идеолог вновь становится для нас Декартом-философом.

В докладе проф. *Е.Г. Мермельштейна* было отмечено значение рационализма Декарта в практике работы с современным студентом.

Доклад проф. *Ж.-П. Лартома* (Ницца) вновь возвращает нас к проблеме — «В каком смысле мы являемся и не являемся картезианцами». Проект реконструкции единства знания выражает у

Декарта необходимость, которую испытывает философ, обретения духовного единства, посредством восстановления единства мира. Декарт обретает его посредством метода, т. е. акта ума, в то время как Галилей обретает его, благодаря материи.

Свой проект Декарт осуществляет в математике, решая задачу Паппа, обобщая ее решение на все возможные случаи. Применение алгебры к геометрии ведет Декарта к идее «всеобщей математики», применимой в физике, медицине, метафизике; злоупотребление этим методом приводит его к надуманной космологии. В биологии он провозглашает принцип изучения живого посредством фигур и движения, что приводит к риску понять человека как машину, и чего избегает Декарт, утверждая, что душа объединяет все части тела в органическое целое. В метафизике им выдвигается идея радикального сомнения, дающего возможность упорядочения проблем и решений, что ведет к признанию радикальной случайности нашего существования. Преобразование философии в процессе практики может сделать нас хозяевами природы при условии, что мы сумеем овладеть этим мастерством и подчинить себе эту собственность. Можно продолжать говорить вместе с Декартом, что здравый смысл есть вещь, распределенная справедливее всего при условии, что метод, искусство хорошо применять свой ум, предполагает инициативу каждого в пределах разума и заботу о благе, свойственную всем.

Двухдневное заседание Совета было обеспечено благодаря стараниям и заботам работников Тверского политехнического университета, превосходно организовавших как собственно заседания Совета, так и материальную сторону, отдых и культурную программу для участников заседания.

Руководство Совета, все участники юбилейного расширенного заседания выражают самую искреннюю благодарность всем лицам и организациям, без которых его эффективное проведение было бы невозможным.